

УДК 94(470.41)

ЗАКИР АЮХАНОВ И ПРОБЛЕМЫ ЗАХИРИТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ТАТАРСКОМ БОГОСЛОВИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

И.А. Зарипов

Хотя изучение богословского наследия наших предков в последние годы все более расширяется и углубляется, вызывая интерес историков, исламоведов и мусульманских богословов не только в нашей стране, но и за рубежом, остается еще немало забытых имен татарских религиозных деятелей, предложивших новые и современные подходы к решению многих проблем мусульманского богословия и права. Если имена Ризаэтдина Фахретдина, Галимжана Баруди и Мусы Бигиева сегодня известны многим, то имя Закира Аюханова незнакомо даже специалистам. Хотя исследователи журнала «Шура», истории оренбургского медресе «Хусаиния» и истории башкирского языка, наверное, и встречали его имя, исследование богословско-правовых взглядов З. Аюханова будет представлено впервые.

Мало известно о дореволюционном периоде жизни ученого, особенно о его религиозной деятельности. Можно предположить, что в советский период, будучи видным представителем башкирского просвещения, он и сам не желал широкой известности своих богословских исследований, однако сегодня подробное изучение его новаторских взглядов в области мусульманского богословия и права, представленных на страницах журнала «Шура», представляет, на наш взгляд, значительный интерес.

Закир Насырович Аюханов родился 23 мая 1889 г. в селе Татарский Калмаюр Симбирской губернии (ныне Чердаклинский район Ульяновской области) в бедной семье. В 1901–1907 гг. он получил начальное образование в школе города Мелекесс (современный Димитровград Ульяновской области), в 1910 г. закончил оренбургское медресе «Хусаиния». В 1910–1914 гг. получил высшее образование в Каирском университете. После возвращения на родину в 1914 г. он начинает преподавать историю, арабский, турецкий и татарский языки в оренбургском медресе «Хусаиния»¹. Стоит отметить, что немного ранее в этом учебном заведении свои знаменитые лекции по истории религий давал другой выпускник каирского «Аль-Азхара», знаменитый богослов Муса Бигиев, с которым у З. Аюханова на страницах журнала «Шура» завяжется богословская полемика по вопросам ростовщичества и закята. Так же, как и М. Бигиев, З. Аюханов за свои новаторские взгляды будет подвергаться давлению со стороны попечителей медресе и в 1916 г. будет вынужден покинуть оренбургскую «Хусаинию». В этом же году он переедет в Уфу и начнет преподавать в медресе «Галия», основателем и ректором которого являлся также выпускник Каирского университета «Аль-Азхар», ученик известного египетского реформатора Мухаммада

Абду (1849–1905) Зыяэтдин Камали (1873–1942).

В этот же период на страницах журнала «Шура» выходят циклы статей З. Аюханова по истории ислама, о его богословско-правовых школах, а также о ростовщичестве и закяте. В частности, можно отметить его исследование «Мусульманское право» («Фикх»), посвященное истории и методологии мусульманского права (*фикх*)², «Первые проявления разногласий в исламе и секта исмаилитов» («Исламда иң өлек зуһур иткән ихтилаф вә исмагылия мэхэбы»)³, статью, посвященную сопоставлению выплаты закята и налогов, «Закят и доходы ислама» («Закәт һәм ислам ирадләре»)⁴, а также цикл статей «О ростовщичестве» («Риба хакында»)⁵.

Все эти факты свидетельствуют не только о том, что З. Аюханов имел превосходное классическое религиозное образование, полученное в оренбургском медресе и Каирском университете, но и о его активной богословской и научно-исследовательской деятельности наравне с такими знаменитыми татарскими религиозными деятелями начала XX в., как Муса Бигиев, Зыяэтдин Камали, Ризаэтдин Фахретдин и др.

После установления советской власти и начала гонений на религиозных деятелей З. Аюханов посвящает свою жизнь просвещению и филологии. С 1918 г. он преподает в сибирской татарской учительской школе, в татарском педагогическом техникуме и в других учебных заведениях Томска, где вместе с педагогической деятельностью он повышает и свой уровень образования, проходя обучение в Томском университете в 1918–1926 гг. Летом 1926 г. он приезжает в Уфу, где становится заведующим учебной частью и учителем начальных классов республиканской школы для детей-сирот им. В.И. Ленина.

В 1930–1936 гг. является доцентом сельскохозяйственного и педагогического институтов. В 1936 г. – учитель татарской школы №523 в Москве, в 1937–1956 гг. – учитель школы №14 Уфы. С 1959 г. вплоть до своей смерти в 1961 г. являлся сотрудником Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР, преподавал арабский язык в Башкирском государственном университете.

Он участвовал в разработке башкирского алфавита, составленный им букварь «Алифба» в 1929–1968 гг. являлся основным учебным пособием в школах Башкортостана и переиздавался 25 раз. Он также является автором и составителем 17 учебников и учебно-методических пособий. Помимо этого З. Аюханов транскрибировал и перевел на русский язык некоторые генеалогические древа – шежере⁶.

Цикл статей З. Аюханова «О ростовщичестве» представляет собой полноценное монографическое богословско-правовое исследование о ростовщичестве, процентах, кредитных и банковских операциях, которые были рассмотрены им на основе первоисточников ислама, сочинений мусульманских правоведов прошлого, через призму современных для него условий социально-экономического положения татарского общества. В цикле статей о ростовщичестве можно увидеть не только новаторскую позицию автора в отношении мусульманского запрета на ростовщичество, но и его оригинальную методологию извлечения богословско-правовых положений из первоисточников, идущую вразрез как с методами традиционных богословско-правовых школ ислама, так и с методами джадидов. Хотя сам автор и не выделяет отдельно данные темы, на основе изучения всего цикла статей нами была составлена достаточно

отчетливая картина его богословских убеждений и методологии.

Во-первых, следует обозначить четкую позицию З. Аюханова в отношении понимания ислама. Для него ислам и положения традиционных мусульманских богословско-правовых школ есть две разные вещи. Неоднократно на протяжении всей монографии он отмечает, что признание ошибочных заключений правоведов в качестве самой Божественной религии формирует у людей неверное суждение о ее оторванности от жизненных реалий, что приводит к ее забвению и даже неверию. З. Аюханов подчеркивает, что, видя подобные тенденции, именно мусульмане России «от мала до велика» первыми встали на защиту своей религии, на путь доказательства ее соответствия жизни и прогрессу. Отмечая заслуги своих современников – З. Камали, М. Бигиева, А. Баязитова, Р. Фахретдина и других прогрессивных религиозных деятелей, он также указывает и на недостатки их работ, наполненных, по его мнению, излишней философией, которая также ведет к уничтожению святости религии.

Первоочередную задачу на пути защиты ислама он видит в решении проблемы запрета ростовщичества – «самой значимой и самой священной задачи, выпавшей на долю мусульман», которая «противостоит экономическому развитию – самой важной области жизни»⁷. Ее решение, предложенное им в данной монографии, по его мнению, помимо всего прочего должно продемонстрировать разницу между религией и учением богословско-правовых школ (*мазхаб*), доказать соответствие «настоящего» ислама жизненным потребностям человечества.

Понимая необходимость решения проблемы ростовщичества в соответствии с условиями современ-

ности, он в то же время считает, что отношение ислама к ней было четко и ясно сформулировано текстом Корана, подробно разъяснено словами и действиями пророка Мухаммада, и никто не вправе изменить его. Многие современники З. Аюханова призывали к всестороннему использованию логико-рационалистических методов мусульманского права для решения насущных проблем мусульманского сообщества – всеобщему «открытию врат» иджтихада⁸, в том числе и в вопросе ростовщичества. Этого мнения в отношении ростовщичества придерживались М. Бигиев⁹ и М. Байтогулов¹⁰. Но, в отличие от них, З. Аюханов, напротив, категорично говорит о том, что иджтихад в отношении религиозного (*шариатского*) запрета ростовщичества недопустим. По его мнению, коранический запрет ростовщичества также ясно разъяснен пророческим Преданием (Сунна), как вопросы молитвы и омовения, в отношении которых никто не применяет иджтихад. Допуская возможность того, что смысл аята кому-то и может быть не ясен, он решительно отвергает предположение о том, что Бог или Его Посланник в полной мере не разъяснили какое-либо из положений религии. Богослов считает, что мусульманин, верующий в истинность Корана и пророческую миссию Мухаммада в соответствии с аятами «*И послали Мы тебе упоминание, чтобы ты разъяснил людям, что им ниспослано*»¹¹ и «*Сегодня Я завершил для вас вашу религию*»¹², обязан считать, что пророческая миссия была выполнена в полной мере, все необходимые религиозные положения были установлены и полноценно разъяснены, в том числе и в отношении ростовщичества. Считающие, что коранический аят о ростовщичестве имеет обобщенный смысл и требует иджтихада ученых, по его мнению, отрицают этим пол-

ноценное разъяснение религиозных положений, содержащихся в Писании и Предании, входят в противоречие с вышеприведенными аятами.

Он пишет: «В соответствии с доктриной ислама ни один человек, кроме Пресвятого Посланника, не может говорить от имени религии. Право законодательства в религиозных положениях есть только у Всевышнего Аллаха и Его Посланника. Соучастие в этом самозванцев – есть чрезвычайно великое преступление»¹³.

Кажущаяся противоречивость вышеприведенных слов, которые, с одной стороны, говорят о важности ростовщичества в современной экономике, а с другой – содержат отвержение иджитхада в отношении его религиозного (*шариатского*) запрета, объясняется авторской классификацией ростовщичества, разделяющей его на несколько видов. По мнению З. Аюханова, только один из видов ростовщичества подпадает под религиозный (*шариатский*) запрет, в отношении которого иджитхад недопустим, отношение же ко всем остальным видам ростовщичества может меняться в соответствии с изменением социально-экономических условий жизни.

З. Аюханов считает, что основная причина современных проблем мусульманского сообщества заключается в слепом следовании средневековым положениям традиционных богословско-правовых школ. Он пишет: «Мусульманский мир ставит слова богословов, противоречащих как разуму, так и религии, выше Божественных текстов и пророческого Предания»¹⁴. В то же время он отмечает, что положения, сформулированные великими муджтахидами¹⁵ прошлого, не входили в противоречие с социально-экономическими условиями их времени. Но по причине того, что эти положения не менялись вместе с изменением жизненных условий,

они пришли в полное несоответствие современным реалиям.

По мнению З. Аюханова, слепое и фанатичное следование современных мусульманских ученых ранним авторитетам и традициям богословско-правовой школы (*мазхаб*) привели к ошибкам в заключении дозволенности или запретности в отношении многих вопросов как религиозной практики (*'ибадат*), так и общественных отношений (*му'амалат*). Богослов заявляет, что слова коранического аята «*Когда скажут им: "Следуйте за тем, что ниспослал Аллах!" – они говорят: "Нет, мы последуем за тем, на чем застали наших отцов"*»¹⁶ в полной мере относятся к ним. Он считает, что не невежество, а именно это слепое следование не позволяет людям правильно понимать священные тексты. Ученый говорит, что для понимания священных текстов не обязательно быть даже ученым, а «достаточно лишь в полной мере знать арабский язык, историю, остерегаться фанатизма и вышеуказанных ошибок, верить в то, что не Коран должен следовать твоим убеждениям, а твои убеждения должны следовать за Кораном»¹⁷. При этом он подчеркивает, что «ясный арабский язык» Корана понятен и в отношении значения каждого его аята не может быть разногласий, а все имеющиеся споры вызваны рассмотрением их через «мазхабные» очки.

Еще одной причиной грубых ошибок в определении религиозного положения о дозволенности или запретности чего-либо он считает выделение правоведами определяющей философии того или иного Божественного повеления, их убеждение, что каждый из запретов имеет свою причину (*'илля*) и является ее следствием (*му'алиль*).

Основываясь на кораническом аяте «*Он уже разъяснил вам, что вам запрещено, если вы к этому не буде-*

те приневолены. А ведь многие сходят с пути своими страстями без всякого знания»¹⁸, З. Аюханов заявляет, что все запрещенное религией было полноценно разъяснено самим Богом и Его Посланником. Пророческие слова и действия, по его мнению, так же как и Коран, являются боговдохновенными, в соответствии со значением аята «И говорит он не по пристрастию. Это – только откровение, которое ниспосылается»¹⁹. Он указывает, что ни у кого, кроме Бога и Его Посланника, нет права запрещения от имени религии. При этом он отрицает возможность извлечения причин (*та 'лиль*) и суждение по аналогии (*кьяс*) на основе явно запрещенного, отмечая, что «даже если причина (*та 'лиль*) и была объяснена ими самими [Богом и Его посланником], неуклонное следование именно этой мотивировке (в том виде, в котором она не была разъяснена ими) не обязательно, особенно, когда это противоречит интересам и пользе социальной жизни людей»²⁰.

Он однозначно утверждает, что «суждение по аналогии (*кьяс*) не является методом мусульманского права и совершенно неверно, боясь впасть в запретное, запрещать все подряд»²¹.

Подробно рассматривая и аргументировано критикуя каждую из богословско-правовых школ, использующих метод аналогии (*кьяс*), в их извлечении причин запретности ростовщичества, татарский богослов говорит, что огромное количество разногласий и противоречивость этих причин доказывает ошибочность самого метода аналогии (*кьяс*), а также демонстрирует тот факт, «что те, кто от имени религии судили по аналогии, делали это, как им захочется»²².

Отрицание данного метода не ново в истории мусульманского права. Такого же мнения придерживалась захиритская школа, которую исследовате-

ли относят к исчезнувшим суннитским школам мусульманского права. В правовой практике представители этой школы опирались исключительно на «внешнее», буквальное понимание Корана и Сунны, отрицая всякую возможность видеть в текстах скрытый смысл и толковать их аллегорически или рационально. Они считали дозволенным все то, что явно не запрещено. В вопросах методологии права (*усуль аль-фикх*) захиритские правоведы были противниками использования логико-рационалистических приемов (*кьяс*, *рай*, *истихсан*, *истихаб* и др.). В случае невозможности буквального понимания того или иного положения первоисточников в поздний период было допущено использование единодушного мнения сподвижников пророка Мухаммада (*иджма'*) в очень ограниченных пределах²³.

Эта богословско-правовая школа (*мазхаб*) была широко распространена в X–XIII веках. Ее представители имелись как на востоке арабского халифата (в частности, в Хорасане), так и на западе (в Андалусии жил захиритский богослов Ибн Хазм). В XII веке при Альмохадах захиритизм был признан официальной правовой школой. После XV века захириты постепенно исчезли²⁴.

Считается, что именно андалусский богослов Ибн Хазм (994–1064) формально оформил положения захиритской школы. Следуя захиритской традиции, он настаивал на буквальном толковании священных текстов, в качестве первоисточников права (*фикх*) признавал лишь Коран и Сунну, отвергая принятые в других юридических школах рациональные методы (в т. ч. суждение по аналогии (*кьяс*)). Применение единогласного мнения (*иджма'*) он ограничил единогласием сподвижников Пророка. Одновременно Ибн Хазм выступал против слепого следования (*таклид*),

допуская следование лишь Пророку (что, по его мнению, не является таклидом)²⁵.

Важно отметить, что основное правоведческое сочинение Ибн Хазма «Аль-Мухалля» З. Аюханов постоянно цитирует и ссылается на него во время своего исследования о ростовщичестве. В одной из статей он дает средневековому богослову такую характеристику: «Обладающий глубокими знаниями в области мусульманского права, а также не имеющий

равных в понимании Писания и Предания, истинный философ ислама»²⁶.

Все эти факты свидетельствуют о соответствии представлений татарского богослова начала XX века исчезнувшей в XV веке школе захиритов, его попытке переложить их методологию в современную ему действительность при решении проблемы ростовщичества. Предложенные З. Аюхановым методы представляют собой альтернативный путь реформирования мусульманского права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Башкирская энциклопедия, т.1. Научное издательство «Башкирская энциклопедия», Уфа, 2005. – С. 26. *Яйыкбаев К.Я.* Мәгрифәтсе мөгәллимдәр, күренекле укытыусылар һәм мәгариф эшмәкәрҙәре: Тарихи-педагогик очерктар һәм һурәтләмәләр. 1-се кит. Өфө, 2003. – С. 48–50.

² Шура. – 1914. № 23. – С. 726–728. – 1915; № 1. – С. 17–20.

³ Шура. – 1915. № 21. – С. 656–659; № 22. – С. 689–691; № 23. – С. 711–713; № 24. – С. 749–851. – 1916. № 2. – С. 40–43; № 3. – С. 68–71; № 4. – С. 97–99; № 5. – С. 126–129; № 6. – С. 137–139; № 7. – С. 161–163.

⁴ Шура. – 1916. № 1. – С. 9–15.

⁵ Шура. – 1915. № 2. – С. 42–52; № 3. – С. 81–82; № 4. – С. 107–109; № 5. – С. 146–148; № 6. – С. 177–178; № 7. – С. 204–206; № 8. – С. 245–247; № 9. – С. 269–271; № 10. – С. 299–301; № 11. – С. 336–340; № 12. – С. 361–362. 1916. № 9. – С. 222–224; № 10. – С. 237–239; № 11. – С. 260–262; № 12. – С. 383–385; № 13. – С. 308–311; № 14. – С. 333–335; № 15. – С. 357–359; № 16. – С. 382–384; № 17. – С. 405–407; № 18. – С. 428–432; № 19. – С. 452–455.

⁶ Башкирская энциклопедия, т.1. Научное издательство «Башкирская энциклопедия», Уфа, 2005. – С. 26. *Яйыкбаев К.Я.* Мәгрифәтсе мөгәллимдәр, күренекле укытыусылар һәм мәгариф эшмәкәрҙәре: Тарихи-педагогик очерктар һәм һурәтләмәләр. 1-се кит. Өфө, 2003. – С. 48–50.

⁷ *Закир Аюханов.* Рибә һаҡында // Журнал «Шура». – 1915. № 2. – С. 42–52.

⁸ Иджтиһад (дословно с арабск. – «проявление усердия», «настойчивость», «свободное исследование») – как термин мусульманского права обозначает самостоятельный поиск богословом-правоведом (*факих*) аргументов, методов и приемов решения богословско-правовых вопросов.

⁹ *Бигиев М.* Заҡят. Под общ. ред. И.А. Зарипова. – Наб. Челны: «Духовно-деловой центр «Ислам Нуры». – 2013. – 228 с.

¹⁰ *Байтогулов Мухаммадтаһир.* Рибә һәм вак бурыч жәмгыятьләре // Шура. – 1913. № 2. – С. 40–41; № 3. – С. 73–76.

¹¹ Коран, 16:44. Здесь и далее перевод Корана И.Ю. Крачковского с некоторыми уточнениями.

¹² Коран, 5:3.

¹³ *Закир Аюханов.* Рибә һаҡында // Журнал «Шура». – 1915. № 10. – С. 299–301.

¹⁴ *Закир Аюханов.* Рибә һаҡында // Журнал «Шура». – 1915. № 2. – С. 42–52.

¹⁵ Муджтахид – мусульманский правовед, имеющий право выносить самостоятельные богословско-правовые заключения, совершать иджтиһад.

¹⁶ Коран, 2:170.

¹⁷ *Закир Аюханов.* Рибә һаҡында // Журнал «Шура». – 1915. № 9. – С. 42–52.

¹⁸ Коран, 6:119.

¹⁹ Коран, 53:3-4.

²⁰ Закир Аюханов. Рибха хакинда // Журнал «Шура». – 1915. № 12. – С. 361–362.

²¹ Закир Аюханов. Рибха хакинда // Журнал «Шура». – 1915. № 12. – С. 361–362.

²² Закир Аюханов. Рибха хакинда // Журнал «Шура». – 1915. № 6. – С. 177–178.

²³ Усуль-аль-фикх. Пер. с турецкого. Московский исламский университет, 2012. – С. 517.

²⁴ Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 76–77.

²⁵ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – [Электронный ресурс] URL: <http://iph.ras.ru/elib/1159.html>. (Дата обращения 12.01.2013).

²⁶ Закир Аюханов. Рибха хакинда // Журнал «Шура». – 1916. № 11. – С. 260–262.

Аннотация

Статья содержит описание богословско-правовой методологии татарского богослова Закира Аюханова (1889–1961), выявленной на основе анализа его монографического исследования о ростовщичестве. Оригинальность данной методологии заключается в отрицании традиционных логико-рационалистических методов мусульманского права, в частности аналогии (кьяс), признании буквального смысла предписаний, указанных в первоисточниках ислама, а также обязательном учете исторических условий, при которых были сформулированы религиозные положения. Предложенные З. Аюхановым методы, на основе которых он строит собственное понимание коранического запрета ростовщичества, представляют собой альтернативный путь реформирования мусульманского права.

Ключевые слова: Закир Аюханов, методология мусульманского права, татарская богословская мысль, история общественной мысли татар, история татарского народа.

Summary

The article describes the theological-juristic methodology of Tatar religious scholar Zakir Ayukhanov (1889–1961), revealed during the analysis of his monographic survey about usury. The originality of presented methodology lies in refusal of traditional logical-rationalist methods of Muslim law, specifically of the analogy (al-kyyas) and acceptance of literal meanings of prescriptions, identified in Islamic primary sources. It also lies in obligatory consideration of historical conditions when religious regulations are developed. Provided by Zakir Ayukhanov methods, on which he develops his own conception of Quranic interdiction of usury, poses alternative way of Muslim law reforming.

Key words: Zakir Ayukhanov, Muslim law methodology, Tatar theological thought, history of Tatar social thought, history of Tatar nation.